

Социальная политика и народосбережение <https://spnjournal.ru/>
Journal of Social Policy, Population Preservation and Reproductivity

2022, Том 1, № 1 / 2022, Vol. 1, Iss. 1 <https://spnjournal.ru/issue-1-2022.html>

URL статьи: <https://spnjournal.ru/PDF/05SPN122.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Алиев, Д. Ф. Принципы ведения гибридных войн / Д. Ф. Алиев // Социальная политика и народосбережение. — 2022. — Том 1. — № 1. — URL: <https://spnjournal.ru/PDF/05SPN122.pdf>

For citation:

Aliev D.F. Principles of hybrid warfare. *Journal of Social Policy, Population Preservation and Reproductivity*. 2022; 1(1): 05SPN122. Available at: <https://spnjournal.ru/PDF/05SPN122.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Алиев Джомарт Фазылович

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия
Заведующий кафедрой «Методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды», первый проректор
Кандидат экономических наук
E-mail: AlievDF@rgsu.net

Принципы ведения гибридных войн

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению принципов ведения гибридных войн. Автор анализирует понятие не только само представление о принципах, но и необходимые методологические подходы к определению их в ходе реализации тех негативных сценариев, которые реализуются глобальными акторами в гибридной войне. Особое внимание уделяется пониманию причин разнообразия возможных форм и сущностных характеристик обусловленных принципами участия в гибридной войне различных государственных образований. Подчеркивается, что в отличие от всех видов войн предыдущих периодов, — «гибридные», внесли свои коррективы в общепринятое понятия о войне, что привело к трансформации современных конфликтов. Анализируемые в статье принципы, позволяют увидеть специфику ведения «гибридных» в различных сферах межгосударственного противостояния. Особое внимание уделено значению современных информационных технологий для оценки характера «невооруженного» межгосударственного противостояния при отсутствии или некритичном применении, так называемой «горячей фазы». В представленном тексте рассматриваются интерпретации и выделяются факторы, оказывающие влияние на применимость информационных технологий в межгосударственном противостоянии. При оценке применения информационных технологий в качестве одного из основных элементов гибридной войны, может сложиться впечатление, что они носят исключительно негативных характер. Учитывая принципы их реализации, автор, не склонен, давать им столь однозначную характеристику. Особенность принципов ведения гибридных войн, учитывая их временной фактор, до достижения конечного результата в большинстве случаев оцениваются как нейтральные. В основе работы лежат теоретические аспекты положения и аналитические выводы, которые составляют интерес для возможных дальнейших исследований связанных с данной проблематикой.

Ключевые слова: гибридная война; принципы ведения гибридной войны; элементы гибридной войны; межгосударственное противостояние; конфликты; информационные технологии; методологические подходы

Введение

Ханне Гласс, написавшей знаменитую книгу «Искусство кулинарии», часто приписывается выражение, что приготовление зайца начинается с удачной охоты — не поймав последнего, блюдо не приготовишь.¹ Эту довольно простую мысль, к сожалению, современные исследователи зачастую упускают, обрекая себя по итогу на бесплодные труды, сопряженные с известным сказочным сюжетом о поиске «непонятно чего» [1]. Чтобы избежать подобной ошибки в своём исследовании гибридных войн, мы начнём с малого и постепенно придём к пониманию большего.

В нашем представлении понимание специфики гибридных активностей, их издержек — важный компонент анализа гибридного конфликта и одновременно важный отправной элемент для изучения данного феномена. Придерживаясь принципа «small is beautiful», или «маленькое прекрасно», который в 1973 году в своём сборнике эссе сформулировал немецко-британский экономист Эрнст Шумахер, [2] мы считаем важным изначально сфокусировать внимание на том, что едва заметно, что кажется незначительным и единичным в гибридной войне. Это, на наш взгляд, делает возможным *более системный* анализ феномена гибридной войны.

Каждое государство имеет арсенал уникальных инструментов для ведения гибридной войны. Например, израильская разведка, «Моссад», взяла на вооружение нетривиальные методы точечного ментального воздействия на противника: агенты организации вторгаются в личную жизнь человека, режиссируя её по собственному сценарию и по итогу формируя для человека непривычный, невыносимый климат. Проникая в дом, они меняют местами предметы, заказывают посылки, о которых не знает объект воздействия, распространяют ложные слухи и прочее. Рано или поздно эта стратегия приводит к «нейтрализации объекта» [3].

Такие точечные компоненты, как правило, используются для того, чтобы посредством устранения неудобных людей, например тех, что заняты разработкой ядерных баллистических ракет, выключить ту или иную часть социальной жизни целевого государства, успехи в которой крайне невыгодны Израилю. Так, не сделав ни одного выстрела, но подорвав научный потенциал «целевой страны», агенты способны затормозить развитие какой-либо отрасли экономики, науки и прочих и подорвать конкурентоспособность противника в геополитическом пространстве.

Однако не всё так просто, важно помнить, что некоторые операции, в особенности информационные, так или иначе поддаются обнаружению и раскрываются [4]. Данный факт сопряжен с очевидным риском потери репутационного капитала, связанного с получением статуса «агрессора». Впрочем, издержками такого рода ведение гибридной войны не исчерпывается.

Пытаясь приблизиться к пониманию причин разнообразия возможных форм и их существенных характеристик, нужно говорить не столько о *специфике ведения гибридной войны*, сколько о закономерностях, обусловленных принципами участия в ней.

Содержательная часть

Начнём с выстраивания общего понимания концептуальной модели исследуемого явления. Поговорим о бифуркации как особом состоянии системы.

Термин «бифуркация» пришел в социальные науки из термодинамики, обозначает своего рода раздвоение, что содержательно может быть охарактеризовано как

¹ Гласс, Х. (2022). Искусство Кулинарии [онлайн] Интернет-архив. Доступно по адресу: archive.org [Получено 13 января 2022 г.].

неопределенность во взаимодействии большого числа факторов [5]. Такое положение дел делает возможные исходы для акторов, принимающих решения, равнозначными.

Всегда важно помнить, что в точке бифуркации системы даже очень маленькое воздействие влечёт за собой глобальные изменения, что, в свою очередь, выводит систему из состояния равновесия и приводит к функциональным изменениям в ее работе.

Гибридные войны во многом нацелены именно на подрыв стабильности социальной системы. А, соответственно, тщательный анализ точек бифуркации позволяет выделить специфические черты ведения гибридных войн, определить концептуальные принципы реализации конфликтов такого рода.

Первый принцип: *гибридная война становится «протяженной» во времени и пространстве.*

Иными словами, если старые войны занимали некоторый фиксированный промежуток времени, в течение которого шли активные боевые действия с предельным напряжением сил, то в современном контексте всё иначе: внешнеполитическое напряжение не спадает даже в том случае, если «внешняя» интенсивность конфликта кратно упала. Более того, многочисленные театры военных действий в разных сферах общественного бытия будут иметь отличные пространственно-временные границы. Активные действия по атаке на научно-образовательную сферу целевой страны могут совпадать с условным затишьем в экономической сфере.

Большое количество разнонаправленных гибридных активностей порождает многочисленные театры военных действий, которые не представляют собой отдельные события войны со своими конечными результатами, усиливающими общий эффект военной кампании лишь по итогу их завершения. В общем течении гибридной войны эффект от той или иной гибридной активности в рамках одного театра военных действий может в моменте сформировать более благоприятные эффекты для гибридных активностей на другом театре военных действий или же, наоборот, породить для них новые риски. Но главное, что всё это имеет моментный кумулятивный эффект для комплексной дестабилизации социальной системы [6].

Обратимся к характеру ведения боевых действий Израилем, который до сих пор остаётся «форпостом» западного мира на Ближнем Востоке, против арабских стран, бывших союзников СССР.

Во время Шестидневной войны, одного из самых кровопролитных арабо-израильских конфликтов, сходства названий поселений арабов с библейскими топонимами было достаточно, чтобы оккупировать эти поселения силами израильской армии. Но, более того, такое практическое действие обрело сакральный характер, позиционировалось как восстановление суверенитета «богоизбранного народа» над «Заветной землей». Данный конфликт растянулся во времени и по-прежнему является дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке [7]. Напряженность то затухает, то разгорается с новой силой.

Второй принцип гибридных войн: *угроза — лучше, чем исполнение.* Пришедший к нам из шахмат, данный тезис как нельзя лучше отражает суть гибридного противостояния: в ситуации предельной концентрации *гипотетических угроз* возможен коллапс целевого государства без фактического применения практических действий.

Яркая иллюстрация данного принципа — комплекс событий начала 2022 года. В частности, произошли массовые волнения в Казахстане,² затем можно фиксировать регулярное педалирование в СМИ угроз отключения российских банков от SWIFT в рамках общей стратегии отмены русской культуры и Российского государства. Важно понимать, что обозначенные события не являются предвестниками глобального катаклизма, хотя при этом не несут никаких позитивных последствий. Таким образом, формируется фон, своеобразные декорации, посредством которых развивается сценарий эскалации, заставляющий обывателя думать о крушении привычного миропорядка. В свою очередь, отсутствие позитивного образа будущего, негативная информационная повестка оказывают комплексное *ментальное* давление на граждан таргетированного государства.

Третий принцип гибридных конфликтов: *от малого — к большому*. Стоит отметить, что данный принцип представляет собой сущностную противоположность «блицкригу», молниеносной войне. В современном контексте так называемой «тактика малых дел» [8] работает гораздо более эффективно. В гибридной войне основная цель всегда имеет глобальный характер, она очень масштабна. Потому для её достижения необходима её дифференциация на более обозримые сегменты. Таким образом, возникает целый кластер целей, для достижения которых используется тактика малых шагов. Течение гибридной войны наполнено большим количеством узконаправленных профильных активностей, которые относительно просты в подготовке и реализации, а также в оценке их эффективности.

Почему «блицкриг» не лучшая стратегия для реализации гибридных технологий? Потому что молниеносная война не позволяет решать небоевые задачи. Вспомним, к примеру, 2003 год, когда на заседании Совета Безопасности ООН Колин Пауэлл демонстрировал колбу с сибирской язвой — «доказательство» производства Ираком биологического и химического оружия [9]. Конечно, это эффективный и действенный *casusbelli* [казус бэлли] — повод для начала вооруженного конфликта. Однако реализация оперативных задач, в частности свержение Саддама Хусейна, получение доступа к ресурсной базе государства, не помогли в полной мере разгромить противника, поскольку базис патриархально-исламской модели, основополагающие черты культуры и государственности остались неизменными [10].

Вместе с тем возможно, что вся операция в Заливе, включая все ее неудачи, подтолкнула США к изменению стратегического планирования: вместо прямой конфронтации государство перешло к модели *прокси-войны*, когда нестабильность, в том числе и военная, реализуется посредством бандформирований и террористических организаций вроде ИГИЛ и Аль-Каиды.

Четвертый принцип: *гибридную войну нельзя завершить достижением поставленной «цели», можно лишь приостановить на выгодных для себя условиях*.

Как уже было сказано, гибридная война преследует глобальные цели. Как правило, достижение этой цели или в принципе невозможно или предполагает долгосрочный горизонт. Поскольку постоянное ведение конфликта на протяжении длительного периода времени невыгодно ни для одного из участников, периодически возникают затишья, которые необходимы той или иной стороне. Специфика гибридной войны заключается в том, что её легко перевести в состояние тлеющего конфликта. Однако сохранение возможности применения конвенциональных методов приводит к тому, что даже «заморозка» активной фазы боевых действий, в том числе при помощи подписания некоторых договоров, не гарантирует отсутствия дальнейшей эскалации.

² Кортунов, А. Кризис в Казахстане: предварительные уроки. 8 января 2022 / А. Кортунов // Российский совет по международным делам // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-kazakhstan-e-predvaritelnye-uroki/?sphrase_id=88439210.

В связи с этим важно понимать, что успех участия в гибридной войне определяется тем, насколько умело актер ставит «на паузу» и «запускает» вновь конфликт именно в то время, в которое он может максимизировать свою выгоду. Иными словами, в рамках гибридной войны важно своевременно реагировать на саму динамику конфликта, чтобы оперативно перестраиваться на военные рельсы и обратно, соблюдая собственные интересы.

Часто случается так, что демонстрация готовности к эскалации отсрочивает саму эскалацию. Такая ситуация, пожалуй, произошла несколько лет назад, когда предприятия российского оборонного заказа рапортовали о производстве гиперзвуковых и баллистических ракет межконтинентальной дальности стрельбы. Всё это, пусть и являясь инструментами «большой войны», создавалось в целях нагнетания ситуации, чтобы не доводить ее до точки невозврата.

Важно помнить, что в рамках гибридной войны всегда существуют акторы, для которых война является непосредственно источником заработка — это уже обозначенные частные военные компании, а также снабжающие войну технологические и научные центры и, в конце концов, локальные элиты, извлекающие выгоду из постоянно ведущихся конфликтов.

Более того, современная война практически никогда не ведется ради территориальных завоеваний и утверждения своего пространственного господства, как это происходило еще до середины прошлого столетия, а легитимируется скорее экономическими мотивами или причинами, связанными с цивилизационно-ценностной составляющей.

Пятый принцип заключает в следующем: *заморозка конфликта возможна лишь при фиксации статус-кво.*

Прежде всего, необходимо осознать, что «фиксация» не имеет четких критериев. Иными словами, нет «обязательных» процедур, без которых приостановка конфликта не будет считаться таковой. Здесь открывается простор для интерпретаций того, что можно считать «заморозкой» и где проходит граница между фазами конфликта. С данной точки зрения каждый конфликт является уникальным. К примеру, вывод войск США из Афганистана некоторыми считался «завершенным» при вылете последнего самолета из Кабула; Минские соглашения считались ликвидацией конфедерации Новороссии; Карабахская война «завершилась» взятием Шуши и выходом Азербайджана к Кельбаджарскому коридору.

Однако у всех этих маркеров обязательно должны быть «результаты», которые можно было бы преподнести в качестве «победы» в конфликте, ведь его исход — это во многом красочная интерпретация событий. Так, в случае с Афганистаном США декларировали, что вывод войск способствует сокращению смертей среди американских военных, Украина заявляла, что «возвращает» большую часть «оккупированных областей», а Азербайджан, в свою очередь, обозначил, что вернул свои исторические земли.

Шестой принцип: *у всего есть последствия, и проигрывает тот, кто не может соизмеримо ответить на действия противника.*

Поскольку гибридное противостояние — это война прогнозов и предположений, каждая ее итерация должна иметь гипотетические последствия, чтобы не обесценивать проделанную ранее работу. Собственно, в конфронтации США и Афганистана последствия звучали как «если не будет вывода контингента, то будут умирать наши граждане». Для Азербайджана же и лично президента Ильхама Алиева вопрос стоял иначе: «если не вернем нашу землю, то Азербайджан не будет “полнотелым”». Даже когда стало очевидно, что вся территория Арцаха занята не будет, а в зону конфликта направлены российские миротворцы, эту своего рода паузу азербайджанцы интерпретировали в качестве этапа оперативной подготовки, в течение которой активно маневрировали на линии боевого соприкосновения и даже нарушали режим прекращения огня, тем самым постоянно *нагнетая ситуацию* [11].

Заключение

Итак, нами были обозначены шесть ключевых принципов гибридных войн, которые при должном уровне экспертной и аналитической оценки можно и нужно просчитывать.

Главное, что требуется усвоить — это необходимость принятия того факта, что именно эмоции являются наиболее значимой константой всех мероприятий гибридных войн вне зависимости от того, где именно происходит конфликт такого рода. Излишняя эмоциональность приводит к необдуманным действиям и стратегическим просчетам через актуализацию обозначенных нами принципов.

Зная и понимая принципы ведения гибридной войны, можно с уверенностью сказать, что это позволяет усвоить специфику таких конфликтов, а также в дальнейшем работать с ними, имея необходимую теоретическую базу: анализировать и прогнозировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Тайный шифр женских сказок / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. — СПб.: Речь, 2006. — 272 с.
2. Шумахер, Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение [Текст] / пер. с англ. и примеч. Д.О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 352 с.
3. Илюшин, П.Е. Основные методы борьбы с терроризмом (на примере Израиля) / П.Е. Илюшин, Г.А. Гиренок // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием, Самара, 19 апреля 2019 года. Том Часть 1. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. — С. 112–114.
4. Уваров, И.А. Информационная составляющая гибридных войн / И.А. Уваров // Политконсультант. — 2021. — Том 1 — № 3. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>.
5. Музыка, О.А. Бифуркация и конфликт: многообразие взглядов и современные подходы / О.А. Музыка // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. — 2014. — № 2. — С. 305–309.
6. Ульяновский, М.П. Кумуляция рисков социальной средой / М.П. Ульяновский // Теория и практика общественного развития. — 2005. — № 3. — С. 22–28.
7. Колесник, А.А. Арабо-Израильский конфликт 1967–1973 гг.: от шестидневной войны до войны судного дня / А.А. Колесник, Д.А. Вавилова // XXXIX Неделя науки СПбГПУ: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–11 декабря 2010 года. Том Часть XI. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный Политехнический университет, 2010. — С. 207–209.
8. Максимов, А.Б. Мастер «тактики малых дел» / А.Б. Максимов // Мосты. Журнал переводчиков. — 2015. — № 4(48). — С. 6–7.
9. Балаян, А.А. Военная и политическая карьера Колина Пауэлла (1979–1993) / А.А. Балаян // Власть. — 2011. — № 9. — С. 169–172.

10. Гречихин, А.В. Операция «лис пустыни» как подготовка к свержению Саддама Хусейна / А.В. Гречихин, В.В. Разумный // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Том 7. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 13–16.
11. Нагорный Карабах — 2020: последствия войны и перспективы поствоенного урегулирования // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65, № 6. — С. 128–138.

Aliev Dzhomart Fazylovich

Russian State Social University, Moscow, Russia

E-mail: AlievDF@rgsu.net

Principles of hybrid warfare

Abstract. This article is devoted to the principles of hybrid warfare. The author analyzes the concept of not only the very idea of the principles, but also the necessary methodological approaches to determining them during the implementation of those negative scenarios that are implemented by global actors in a hybrid war. Particular attention is paid to understanding the reasons for the diversity of possible forms and essential characteristics due to the principles of participation in a hybrid war of various state entities. It is emphasized that, unlike all types of wars of previous periods, «hybrid» wars have made their own adjustments to the generally accepted concepts of war, which led to the transformation of modern conflicts. The principles analyzed in the article allow us to see the specifics of conducting «hybrid» in various spheres of interstate confrontation. Special attention is paid to the importance of modern information technologies for assessing the nature of the «unarmed» interstate confrontation in the absence or uncritical application of the so-called «hot phase». The presented text examines the interpretations and highlights the factors influencing the applicability of information technologies in interstate confrontation. When assessing the use of information technologies as one of the main elements of hybrid warfare, it may seem that they are exclusively negative in nature. Given the principles of their implementation, the author is not inclined to give them such an unambiguous characterization. The peculiarity of the principles of conducting hybrid wars, taking into account their time factor, until the final result is achieved, in most cases they are evaluated as neutral. The work is based on the theoretical aspects of the situation and analytical conclusions, which are of interest for possible further studies related to this issue.

Keywords: hybrid warfare; principles of hybrid warfare; elements of hybrid warfare; interstate confrontation; conflicts; information Technology; methodological approaches